

РЯДОМ С НАМИ

Во имя жизни

Интеллектуальную передачу «Что? Где? Когда?», придуманную в 1975 году её многолетним ведущим В.Я. Ворошиловым, я, как говорится, смотрю с детства. Поначалу меня, ещё зрячего, завораживали антураж и атмосфера игры: стол с разложенными конвертами, волчок со стрелкой, строгий голос невидимого дяди, обращающегося к шестерым видимым. Потом их положение в моих глазах уравнилось, а в детской головке проснулся интерес к вопросам и ответам. С годами вошло в обычай раз за разом ставить запись передачи на паузу и шевелить мозгами вперёд знатоков. Широкая география вопросов на столе говорила о популярности игры в русскоязычной среде. Открытием же стало появление в придачу к московскому ещё минского и бакинского клубов. В декабре 2023 года именно в последнем из них подкинули мне пищу для размышлений, а также тему для статьи. Ведущий просил знатоков показать то, что художник Титов изобразил на картине, дабы усилить её драматизм, то, что дало ей название. Проще говоря, ответ был у них под рукой. По детальному описанию палаты госпиталя, где и запечатлён герой, команда догадалась о его слепоте и остановила свой выбор на зеркале (знатоки сидят вокруг зеркального стола), которое больше недоступно фронтовику. А на правильный ответ намекали письма с вопросами от телезрителей.

Разумеется, мне захотелось получше «приглядеться» к такой картине. Стараюсь регулярно пополнять багаж знаний о классической живописи. По-моему, неверно думать, что слепому ни к чему знать о разных жанрах и техниках в изобразительном искусстве. Вдобавок художники, работая на заказ или по зову сердца, сохраняли для грядущих поколений дух разных эпох, воссоздавали сцены разных исторических событий. Можно знакомиться с творческим наследием мастеров, а заодно повторять, что, где и когда происходило! Конкретно эта картина вызвала у меня не только интерес к автору, не только сочувствие к герою, но и личную, что ли, заинтересованность.

Владимир Герасимович Титов родился в Ташкенте в 1921 году. Учился в Московском художественном институте им. В.И. Сурикова. Преподавателем у него был известный советский художник Константин Юон, кисти которого принадлежит панорамная картина «Парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года». Своё живописное полотно в лучших традициях социалистического реализма Титов написал в 1970 году. Трудно найти более мелодраматичную композицию и более понятный сюжет, чем на картине «Письма» (холст, масло. 135x160. Магнитогорская картинная галерея).

Художник запечатлел сцену в больничной палате. На кровати сидит молодой мужчина с повязкой на глазах и с письмом в руке. Картина наполнена множеством достоверных деталей: офицерская планшетка, графин и

стакан с ложечкой на прикроватной тумбочке, цветы в горшках на подоконнике, фронтовые письма-треугольники. Сцена пронизана светом из огромного окна с бумажными крестообразными наклейками. Зимний городской пейзаж за ним ясно говорит о времени и месте. На торце здания справа — плакат «Родина-мать зовет!». Вдали дымят заводские трубы, скорее всего, здесь работают оборонные предприятия, виднеются купола церкви. Ощущение чистоты и света дополняет светлое бельё на кровати. Потерявший зрение офицер не может видеть этот свет, не может прочесть письма — в этом и заключается трагизм происходящего. Но картина не вызывает мрачные чувства. Молодой мужчина спокоен и полон уверенности в том, что он не один.

Почерпнуть информацию о полотне, на котором изображён товарищ по несчастью, было не внове для меня. Более того, в номере «НЖ» за август уже далёкого 2011 года в рубрике «Живопись на слух» вышла моя статья «Попытка к бегству». Рассказав о нескольких картинах, я призывал в ней бежать от невежества. И сегодня больно читать приведённую тогда цитату Леонардо да Винчи: «Кто не предпочёл бы скорее потерять слух и осязание, чем зрение? Ведь потерявший зрение подобен тому, кто изгнан из мира, ибо он больше не видит ни его, ни какую-либо из вещей, и такая жизнь — сестра смерти». И далее: «Глаз есть окно человеческого тела, через которое человек глядит на свой путь и

наслаждается красотой мира. Благодаря ему душа радуется в своей человеческой темнице. Без него эта человеческая темница — пытка». Я с интересом перечитал свой давний материал и встретил упоминание о слепом солдате только на одной картине. Прежде меня интересовало, есть ли вообще у художников незрячие персонажи, и волновало, как те сопоставляют или противопоставляют физическую и духовную слепоту. Колоритных образов нашлось немало: это музыканты и нищие, простые смертные и библейские герои. Теперь же мне захотелось поискать художественные воплощения военноослепших.

Сюжет картины «Во имя жизни», принадлежащей кисти Николая Яковлевича Бута (1928—1989 гг.), также отсылает нас ко времени Великой Отечественной. Её автор — советский живописец, один из мастеров студии военных художников им. М.Б. Грекова. Циклом «Аджимушкой. 1942 год» он сумел передать горькую правду войны: создание подземного гарнизона в Аджимушкских каменоломнях близ Керчи явилось следствием ликвидации Крымского фронта в мае 42-го, когда в окрестностях города шли тяжёлые арьергардные бои и далеко не все войска смогли переправиться через Керченский пролив. В штольни, образовавшиеся в результате добычи строительного камня, спустились отдельные части регулярной армии — более 10 тысяч солдат и офицеров различных родов войск. Кроме того, в каменоломнях нашли убежище почти 5 тысяч мирных жи-

телей. Подземный гарнизон 170 дней и ночей вёл борьбу с фашистами в условиях полного окружения врагом, стремившегося силой оружия, взрывами кровли, газовыми атаками, голодом и жаждой подавить сопротивление его защитников. Глубокое впечатление на юного Бута произвело стихотворение Ильи Сельвинского «Аджимушкой». Но только в 1960 году, уже сложившимся профессиональным художником, он впервые приехал в Керчь, чтобы увидеть всё своими глазами. За короткое время им было создано 150 работ, включая самостоятельные произведения, рисунки и этюды.

К Аджимушкойскому циклу и относится картина «Во имя жизни» (холст, масло. 250x230. Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник). Сюжет красноречиво даёт понять, что предшествовало запечатлённому мгновению и что последует за ним. Погиб пулемётчик, отражавший атаку фашистов, но из мрака штолен навстречу врагу осторожно выходит старший лейтенант. Молодой офицер с белой повязкой на глазах не участвовал в бою из-за своего ранения, однако, услышав тишину, понял, что наступил его черёд. Зажав гранату в руке, он идёт на верную смерть.

Веком ранее была написана картина, которую с предыдущей роднит слепота героя — ветерана Крымской войны 1853—1856 годов. В коллекции работ Василия Григорьевича Перова особое место занимают полотна с острой социально-обличительной тематикой, широко распространённой в русской живописи того времени.

Пожалуй, наиболее известной среди них является картина «Чаепитие в Мытищах, близ Москвы» (1862 г., холст, масло. 43,5x47,3).

В основу сюжета легла следующая ситуация: лето, Подмосковье, упитанный и самодовольный священник наслаждается чаепитием на свежем воздухе. Перед ним пара нищих. Это бывший солдат, слепой инвалид без ноги, и его поводырь, мальчик лет семи-восьми. На шинели ветерана — орден участника Крымской кампании. Служанка пытается прогнать попрошайек, а поп делает вид, что никого не замечает. Не торопится утешить нищих и подходящий к столу монах. Он тоже неспешно попивает чай и не обращает на их протянутые руки никакого внимания. Стоит солнечный день, зелень сада приглашает отдохнуть в тени всех, никого не обделяя.

Произведение было выполнено по заказу Мытищинской городской управы. Однако, по свидетельствам очевидцев, большое начальство удивил конечный результат, и оно не приняло откровенно антиклерикальную работу. Чаепития в Мытищах были чрезвычайно модными в то время из-за хвалёных местных источников с очень вкусной водой. Именно картину, изображающую размеренное чаепитие, хотели получить чиновники. Они отказались от работы Перова, которую сразу же купил Павел Третьяков.

Добавлю, что в детстве будущий художник переболел оспой, но, несмотря на ухудшение зрения, увлёкся рисованием и преуспел в этом. Этюдный портрет «Сле-

пой музыкант» и картина «Приезд институтки к слепому отцу» также находятся в собрании Третьяковской галереи. В усталом бродяге, поющем под аккомпанемент своего примитивного народного инструмента, Перов увидел одухотворённого артиста. О главных героях другого полотна говорит само его название. Эти работы я описывал в упомянутой ранее статье.

Своим размышлениям о русских людях, их путях к вере и о поиске им самим «своей России» Михаил Васильевич Нестеров подвёл итог в масштабной картине «На Руси» (Душа народа). Её написанию предшествовала огромная подготовительная работа. Многие этюды к ней первоклассны по своему художественному качеству, а некоторые приобрели вполне самостоятельное значение. Образ слепого солдата, перенесённый на полотно с одноимённого этюда (холст на картоне, масло. 25x18,7. Третьяковская галерея), стал одним из важнейших в многофигурной композиции, где изображены представители всех возрастов, сословий и времён, разными путями идущие к Богу.

Его появление не случайно. В 1914 году, когда был написан окончательный эскиз большой картины, Россия вступила в Первую мировую войну, некоторые участники которой ослепли в результате газовых атак немцев. Лето 1916-го Нестеров проводил в Абрамцеве. Неподалёку был устроен лазарет для слепых солдат. Художник часто беседовал с ними, восхищаясь красотой их души и скромностью. Однако итоговый образ был отыскан

живописцем позже, осенью, в Москве, в училище для слепых рядом с Донским монастырём: «...я нашёл для своего слепого превосходную модель. Это был красивый, с правильными чертами лица, высоко настроенный юноша. Написанный с него этюд и вошёл в картину».

Увидеть воочию подвергшихся такой атаке можно на полотне «Отравленные газами» (холст, масло. 231X611. Имперский военный музей, Ламбет, Лондон), которое американский художник Джон Сингер Сарджент написал в 1919 году. Заказ на его создание он получил от Комитета по британским военным мемориалам с целью сохранить память о жертвах Первой мировой войны. Отбыв на Западный фронт, он вскоре отправился в район Ипра с американскими экспедиционными силами. Сарджент ежедневно тратил многие часы на поиски интересных с художественной точки зрения сцен. 21 августа 1918 года он стал очевидцем душераздирающих последствий газовой атаки немцев. Особенно его внимание привлёк один солдат, ослеплённый горчичным газом. Тот нащупывал дорогу к перевязочной станции. Иприт обладает поражающим действием при любых путях проникновения в организм. Глаза особенно чувствительны к его парам: появляется ощущение попавшего в них песка, слезотечение, светобоязнь, затем происходит покраснение и отёк слизистой оболочки глаз и век, сопровождающийся обильным выделением гноя. Попадание в глаза капельно-жидкого иприта может привести к слепоте.

Художник решил отойти от излишней героики. В центре композиции, наполненной горизонтально направленным движением, находится группа из одиннадцати человек, изображённых почти во весь рост. Выстроившись цепочкой и положив руку на плечо впереди идущего, они медленно передвигаются к госпиталю. Солдатам с белыми повязками на глазах помогает идти санитар. Приближаясь к подъёму на доски, раненый чересчур высоко поднимает одну ногу, о чём его, видимо, просит сопровождающий. Вдали справа видна ещё одна небольшая колонна солдат и офицеров, также ведомая санитаром. А вокруг прямо на земле лежит и сидит множество других пострадавших, очередь на осмотр врачом для которых пока не пришла. У всех на глазах плотные повязки. Изображение подано несколько снизу, что делает композицию особенно выразительной, словно с точки зрения этих самых солдат. В цветовой гамме картины преобладают желтоватые, горчичные, коричневые тона полевой военной формы. Они обезличивают людей, как и то, что те фактически лишены глаз — зеркала души.

Итальянский художник, иллюстратор, график Фортунин Матания (1881—1963 г.) большую часть своей жизни работал и творил в Англии. Там его застала Первая мировая война, там он становится художником-баталистом, предельно реалистично изображая солдатский быт и окопные сражения. Рисунок «Чужими глазами» был выставлен его автором на распродаже в

Альберт-Холле в мае 1917 года, устроенной ради сбора денег для лондонского общежития, где ухаживали за ослепшими солдатами. Два человека изображены на рисунке в уютной домашней обстановке. Полулёжа на кушетке, женщина читает газету сидящему рядом с нею мужчине. О войне напоминают белая повязка у него на глазах и ещё не снятая военная форма. Этот рисунок словно продолжает историю с картины «Письма», ставшей отправной точкой для поиска других работ о потере зрения на войне и рассказа о них. Персонажи Владимира Титова и Фортунино Матания живут в разных странах, участвовали в разных войнах, но теперь оба они всё воспринимают чужими глазами.

Попалась мне и картина «Призванный» (1885 г., холст, масло. 91,5x61. Художественная галерея Гилдхолл, Музей лондонской ратуши). Её автор, художник викторианской эпохи Уильям Генри Гор, преимущественно изображал на своих полотнах детей и животных, а также писал пейзажи и сельские сцены. Однако на упомянутой картине запечатлён момент прощания девушки с солдатом. По украшенной лентами фуражке современникам художника было очевидно, что герой вот-вот покинет родные края. Прильнувшая к нему девушка осознаёт все риски призыва на службу. Недаром критики называли картину народной за простоту композиции, жизненность ситуации и богатство красок. Прочитав описание, я подумал о том, что ослепшие герои всех перечисленных картин точно так же прощались со

своими любимыми. Говорят, каждый солдат носит в своём ранце маршальский жезл. Но прежде всего каждый надеется вернуться домой целым и невредимым. Когда же война отнимает зрение, делает калекой, начинается уже личная борьба, и тоже во имя жизни — своей и дождавшихся тебя.

Дмитрий Гостищев